УДК 94(47).066

М. Б. Свердлов

Д. И. Фонвизин о российской государственности второй половины XVIII в. и об исторической науке

История — наука о человеческом обществе в прошлом. В России Нового времени, начиная с эпохи преобразований Петра Великого, она проходила в XVIII в. свой путь становления и развития. Тогда российские историки писали не только о минувших столетиях, но также вслед за Петром о новейшем состоянии России, о ее военной активности, об их связях с предшествующим периодом истории страны. Такие работы и петровские законодательные материалы становятся ценнейшим историческим источником, примером анализа новейшей действительности, в которой каждый минувший день становится историей.

У литературы тот же объект изучения, что и у исторической науки — человеческое общество, хотя ее основное средство анализа — художественные образы. Поэтому литература — не только ценнейший исторический источник, но также средство исследования современности как составной части исторического процесса. В данной связи особое значение для изучения российской историографии XVIII в. приобретают не только исторические исследования отечественного прошлого, но также анализ замечательными отечественными литераторами современной им России как ее историками новейшего времени. В их числе находится Денис Иванович Фонвизин.

Д. И. Фонвизин родился в 1743 или 1745 г. в Москве. В 1755 г. он стал учеником дворянской гимназии при Московском университете. Там он проявил блестящие способности. Выучил латинский, немецкий и французский языки,

еще в школьные годы публиковал переводы произведений латиноязычной, немецкой и французской литературы. В 1762 г. Фонвизин был зачислен студентом в Московский университет, но дальнейшему обучению предпочел службу в Коллегии иностранных дел[1].

В связи со службой в коллегии Фонвизин переехал в 1763 г. в Петербург. Он начал бывать на дворцовых приемах и участвовать в литературной жизни северной столицы. Одновременно со службой в коллегии Фонвизин был причислен к кабинет-министру императрицы и литератору И. П. Елагину и 3 декабря 1764 г. официально стал одним из его секретарей.

В декабре 1769 г. Фонвизин стал секретарем воспитателя цесаревича Павла Петровича и руководителя Коллегии иностранных дел Н. И. Панина, который являлся сторонником ограничения самодержавной власти в России. 5 мая 1779 г. он был произведен в звание Канцелярии советника, в первой половине 1781 г. — в чин статского советника. Фонвизин был назначен членом правления Почтового департамента. Впрочем, уже осенью 1781 г. Н. И. Панину было приказано уволить своего секретаря[2]. 31 марта 1783 г. Панин умер, и он продолжил сотрудничество в разработке посвященного преобразованиям панинского проекта, предназначенного для передачи наследнику Павлу Петровичу, с П.И. Паниным, который поддерживал брата в его устремлениях[3].

Находясь в отставке, Фонвизин продолжил активную литературную деятельность, а также принял участие в работе по созданию толкового словаря русского языка в Российской академии, в которую был избран в 1783 г. Умер Фонвизин 1 декабря 1792 г.

Литературные и социально-политические произведения Фонвизина позволяют определить основное содержание его взглядов на ключевые проблемы российской государственности не только как литератора и публициста, представителя одного из направлений общественной мысли, но также как историка современной ему России. Его аналитические способности развивались в контексте коллективного опыта той европейской литературы, в которой критически изучалось состояние общества первой половины — середины XVIII в., еще сохранявшего значительные социальные составляющие предшествующих веков. Такой опыт обострял исследование настоящего как продолжения предшествующего. В данной связи неоцененным остался тот опыт, который Фонвизин приобрел в юности, переводя с немецкого книгу «Нравоучительные басни»

[1] *Пигарев К.В.* Творчество Фонвизина. М., 1954; *Макогоненко Г.П.* Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961; *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994; *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович // Словарь русских писателей XVIII века (далее — СРП). СПб., 2010. Вып. 3. С. 305–319 и др. работы; см. там же литературу о его жизни и творчестве.

[2] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 312–313.

[3] Об истории текста этого проекта см.: *Сафонов М.М.* Конституционный проект Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 261–280.

замечательного датского литератора Л. Гольберга (1684–1754), который обобщил в них литературный и исторический опыт современных ему западноевропейских стран.

Басни Гольберга являлись школой критического анализа современной европейской государственности. В них обсуждались религиозные, политические и нравственные темы, высмеивались придворные, которым свойственны низость и эгоизм, претенциозные аристократы, духовенство и святоши, хитрый богослов, глупый философ, невежественные врачи, корыстолюбивые судьи, беспомощные поэты и художники[4]. Фонвизин опубликовал свой перевод этих басен в 1761 г. Данное обстоятельство многое объясняет в происхождении его взглядов на современную российскую действительность, на формирование историзма в изображении общества и государственности в новейший для него период истории России.

В книге Гольберга содержится, в частности, басня «Судьба истории». Как в ней было написано, «История отставлена была от своей должности (т. е. обязанностей. — *М. С.*)», поскольку все были ею недовольны. «Описывала она различные слабости древних князей». «Полководцы и Министры недовольны были тем, что изображала она живо все их поступки». История «предостерегала» льстецов «от их обманов», «изобличала» глупость «Педантов», которые с «яростию спорят за самую безделицу и пишут о том, чего не разумеют сами». Купцы ее терпеть не могут, поскольку «открывает она их вымыслы, которыми стараются получить большой прибыток». «Словом, — обобщил Фонвизин, вслед за Гольбергом, — все ею были огорчены, и таким образом не перестали гнать ее до тех пор, как принудили ее оставить свою должность».

При таком активном воздействии на Историю тех, кто имел власть и деньги, высших социальных слоев, Гольбергу, а вслед за ним Фонвизину стали очевидны последствия для Истории и историков, которые стремились к правдивому и аналитическому изложению событий: «История пришла чрез то в беднейшее состояние, так что принуждена была ходить по миру, опасаясь, чтоб не умереть с голоду».

Развивая свои наблюдения над злосчастной судьбой Истории в XVIII в., Гольберг без обиняков говорил о ее описательном содержании, которое появилось под влиянием власти и денег. И Фонвизин перевел так: «...некоторые сжалились на ее бедность и сделали ей чрез просьбу то, что позволили опять исполнять прежнюю свою должность с тем только, чтоб подписала она договор, который состоял в следующем: впредь описывать ей не иное что, как только рождение великих людей, дни их крещения и прочие церемонии в торжественных праздниках, также и еще о некоторых приключениях, как то: о пожарах и землетрясениях. Правда, ей позволено было описывать войны и баталии, притом запрещено было ей делать рассуждения».

[4] Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Голберга, перевел Денис фон Визин. М., 1761; *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 44–50.

Последствия такого положения Истории для автора басни «Судьба Истории» и ее переводчика очевидны: «Таким образом, История пришла в такое состояние, как видим ее ныне, и для того-то имеем мы одни только сухие летописи»[5]. Гольберг и Фонвизин недвусмысленно указывали на то, что История становится наукой только тогда, когда она изучает исторические события. Если она их только перечисляет, то возвращается в донаучный период — в летопись, в историко-литературное произведение, в перечень исторических сведений.

Переводя басни Гольберга, Фонвизин понял всю сложность истории как науки в эпоху абсолютистских государств своего времени. Поэтому, вероятно, он предпочел стать историографом современной России средствами драматургии.

Первая пьеса Фонвизина, «Корион», являлась переработкой драмы Ж.Б.Л. Грессе (1709–1777) «Сидней», но наполнена она российскими реалиями. Она была поставлена на придворном театре 10 ноября и 29 декабря 1764 г., благожелательно принята двором, причем на первом представлении присутствовал Павел Петрович, которому пьеса понравилась[6]. Впрочем, ее персонажи обращали внимание зрителей на трагические проблемы российской действительности.

Уже в начале пьесы слуга дворянина Кориона Андрей заявил: «Плохая жизнь слуге, коль бешен господин! / Собачья жизнь моя! Терпения не стало!». Крепостной крестьянин также изложил беды своей жизни: с крестьян взимались для барина установленные и произвольно назначенные оброки, подношения «воеводе» — государственному чиновнику, а если тот считал, что принесено мало, то присылал драгунов, которые «нещадно бьют крестьян кнутами». Бедственное положение крестьян в системе российской государственности осудил слуга Кориона Андрей: «Какую бедную крестьяне жизнь ведут, / Коль грабят их и те, которым предан суд!»[7]. Такое положение крестьян подтверждает сенатский указ 18 июля 1766 г. Он предписывал местным властям, чтобы они «рачительно взыскивали недоимки по подушному и рекрутскому сборам»[8].

То, что написал Фонвизин в пьесе «Корион», соотносилось с внутренней политикой императрицы середины 60-х гг. Екатерина, памятуя о легкости дворцовых переворотов, о судьбах ее предшественников на престоле, решила модернизировать российскую государственность постепенно. В основу ее программы действий были положены принципы умеренного просветительства. В соответствии с ними самым сложным являлось исправление нравственных начал общественной жизни. Видимо, наиболее конкретно эта екатерининская программа была официально сформулирована в опубликованных 30 сентября 1766 г. «при Сенате» «Рассуждениях, служащих руководством к новому установлению Шляхетского кадетского корпуса <...>»: «Нет ничего труднее, как

[5] Басни нравоучительные... С. 82–83.

[6] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 308.

[7] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. / Сост., подг. текста и комм. Г.П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 6, 14–15.

[8] ПСЗ. Т. 17. № 12700.

удобрить нравы и склонности целого народа. Законы особенные, воспитание и затверделые предубеждения сильно над ним *владычествуют*, как невольником: не знает он и не чувствует своего *порабощения*, но паче *любит оное*. Нет равномерно и ничего подлиннее, как то, что скорее и удобнее можно достигнуть сего исправления нравов способами кротости, нежели строгостию и силою»[9]. Пьеса Фонвизина, который знал народные настроения лучше императрицы и Сената, разъясняла, что народ в полной мере осознает свое состояние «порабощения» от барина и государственных институтов.

В той же пьесе Фонвизин сформулировал еще одну проблему, которая стояла перед просвещенными россиянами — их отношение к современной им государственной системе, к придворным нравам, к карьере и официальным наградам. Такому оппозиционному началу он противопоставил в монологе Менандра принцип служения обществу: «Разумный человек, которому природа / Велела в обществе для пользы быть народа, / Оставить должности не хочет никогда, / И, где велит долг жить, он там живет всегда». Так двадцатилетний Фонвизин преподал своим современникам и потомкам урок активной позиции в сохранении достоинства российской государственности.

В соответствии с просветительскими ценностями фонвизинские нравственные начала подразумевали по возможности быстрое преобразование россиянина: «Как скоро обществу служить нам время стало, / С тех пор и жизни мы должны считать начало. / Кто к общей пользе все стараньи приложил / И к славе своего отечества служил, / Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое: / Веселье для него не может быть иное, / Как то, о коем он старался весь свой век, / Чтоб жить и умереть, / Как честный человек...»[10]

В середине 60-х гг. Фонвизин стремился поддержать модернизационные намерения императрицы, объясняя особое значение для российской государственности «третьего сословия», в данном случае городского торгово-ремесленного населения, которое в странах Западной Европы стало к этому времени буржуазией. В числе произведений, над которыми работал Фонвизин, находится «Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина». Вероятно, оно было написано в 1763 — начале 1764 г.[11] Исследователи отмечали, что это сочинение — перевод с французского (П. А. Вяземский, К. В. Пигарев, Н. Д. Кочеткова), его идеи были Фонвизину близки (Г. П. Макогоненко), что оно является «полупереводным-полуоригинальным» (Г. А. Гуковский, П. Н. Берков). Н. С. Тихонравов предположил, что оно написано самим Фонвизиным. Но, как обобщил эти мнения А. Стричек, Фонвизин извлекал из использованного французского труда всё, что могло быть полезно для России[12].

[9] Там же. № 12741; курсив «Рассуждений».

[10] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. С. 21–22, 24.

[11] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 308.

[12] Историографию см.: *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 25–29; *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 90–92; *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 308.

В «Кратком изъяснении» признается обязательной вольность дворянства, его привилегии. Но эти привилегии, отметил Фонвизин, подразумевали, в частности, «освобождение слуг и ненарушимое благоволение к третьему чину», т. е. недопустимость подавления «третьего сословия».

В «Наказе» Уложенной комиссии Екатерина II не смогла определить значение для российского государства «среднего рода людей». Она лишь обратила внимание на его «вольность», особый статус людей, которые «упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах». В отличие от императрицы Фонвизин изложил либеральный взгляд на значение в стране «третьего чина»: «<...> он душа общества; он политическому корпусу есть то, что желудок человеческому; он счастливое посредство, чрез которое вышняя часть сообщается, не унижаясь, нижней части и чрез которую сия возвышается к другой». То есть, говоря современным нам языком, «третье сословие» придавало обществу XVIII в. системное единство, обеспечивая ему экономическое благосостояние.

Фонвизин, как и Екатерина II, отметил, что представители «третьего чина» заняты во всех видах деятельности. Но он подчеркнул особое значение «третьего чина» в экономике и в состоянии современных держав: «Во внутренности оного произошли те славные банкиры, те великие купцы, кои повелевают торгом во всем свете и кои бывают помощью великих государств».

Фонвизин согласился в своем «Кратком изъяснении» с противопоставлением «третьего сословия» «благородным», т. е. дворянству. Как он иронично обозначил состояние дворян, «благородные имеют, без сомнения, похвальные качества, но иногда недостает им случая производить оные в действо». Такие дворяне становились антигероями его литературных произведений. В отличие от «благородных», по Фонвизину, «третий чин упражняется ежедневно в благоразумии, честности, изобильном вспомоществовании, точности, постоянстве, терпении и правосудии». В этих словах несомненна идеализация «третьего сословия». Но в них выразилась также этика раннего Нового времени, когда буржуазия и предприимчивое свободное крестьянство могли противопоставить насилию и недостойному поведению привилегированных сословий и государственному гнету перечисленные Фонвизиным категории нравственности.

Поэтому Фонвизин предупреждал читателей своего «Краткого изъяснения»: «Всякая держава, в коей не находится третьего чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была; сие весьма ясно видеть можно. Рабский страх бывает там вместо ободрения; строгость, которую благородные производят, будучи ничем не насытимы, есть недействительна, потому что нет иных побудительных причин». Предложил он и методы создания «третьего чина» в России посредством выкупа из крепостной зависимости, предоставления свободы за успехи в науках и «художествах».

В соответствии с фонвизинской программой социального переустройства середины 60-х гг. «в России надлежит быть»: «1) дворянству совсем вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному и 3) народу, упражняющемуся

в земледельстве, хотя не совсем свободному, но по крайней мере имеющему надежду быть вольным, когда будут они такими земледельцами или такими художниками, чтоб со временем могли привести в совершенство деревни и мануфактуры господ своих»[13].

Тогда же, в 1766 г., Фонвизин перевел труд аббата Куайе (1707–1782) «Торгующее дворянство», посвященный социально-экономическим проблемам развития современных европейских государств, в частности проблеме дворянского предпринимательства. Эта тема была актуальна в России, где власти создавали благоприятные условия для господского промышленного производства и где надо было шире привлечь дворян к торговым операциям, от чего ожидались положительные следствия для российской экономики. Издание перевода такого труда способствовало распространению либеральных экономических идей в дворянской среде[14].

Императрица встретила жесткую оппозицию своим устремлениям в большей части дворянства, что выявилось в работе Уложенной комиссии в 1767–1768 гг. Поэтому она в значительной мере ограничила программу общественно-политических преобразований и сосредоточилась на «исправлении нравов». Так что Фонвизин, который еще находился в ведомстве Елагина и прекрасно знал содержание дворянских претензий и настроения императрицы, значительно снизил уровень общественных и нравственных претензий к дворянству в комедии «Бригадир», завершенной в первой половине 1769 г. 29 июня он с большим успехом читал комедию Екатерине[15].

В новой пьесе высмеиваются недостатки, которые подлежат исправлению: новейшее солдафонство Бригадира, взяточничество и крючкотворство Советника, которого «благословил Бог достаточком», нажитым от службы в Коллегии указов. Не лучше ветреная и глупая жена Советника, тогда как сын Бригадира — легкомысленный дурак, который ничего кроме романов не читал, но был в Париже и мечтает туда уехать. Эти недостатки находились в пределах екатерининской политики «исправления нравов»[16].

Когда в конце 1769 г. Фонвизин перешел под начало Н. И. Панина, он оказался в другой идейной среде, оппозиционной императрице. В ней высказывались пожелания в России гуманности и законности, осуждался свойственный екатерининскому правлению фаворитизм. В этой новой для Фонвизина среде свойственное политике Екатерины «исправление нравов» перерастало в критику современной российской действительности.

В отличие от масонов Фонвизин искал идеал российской государственности не столько в абстрактной нравственности, совмещенной с мистикой, сколько

[13] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 109–116.

[14] Там же. С. 117–186; *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 94–97.

[15] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 310.

[16] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. С. 48–58; и след.; Т. 2. С. 97.

в действенной нравственности и в политических институтах во главе с монархом. Поэтому Фонвизин в 1777 г. издал в своем переводе книгу французского поэта и академика А. Л. Тома «Слово похвальное Марку Аврелию»[17]. В этой книге Фонвизин подразумевал аналогии этому римскому императору-стоику и гуманному деятелю в наследнике престола Павле Петровиче как будущем идеальном правителе. Идеализирован был и Марк Аврелий, который преследовал христиан.

Этот император, являясь философом-стоиком, излагал идеи высоконравственных отношений между людьми, идеи равнодушия к лишениям, стремления к общему благу. Космополитичность поздней Римской империи и учение стоиков Марк Аврелий перенес на состояние римлянина как гражданина мира. Поэтому россияне читали в переводе Фонвизина о римском императоре и философе, а думали о современной им российской государственности и о мировых проблемах в целом: «Красноречие вразумило его беседовать с людьми. История судить о них научила. Познание законов государственное основание и твердость ему показало. Он прешел все законодательства и законы всех народов один с другим сообразил. Следственно, воспитан был совсем различно от тех, коим льстят уже и в самое время их слабости и невежества. <...> Он исторжен был от Рима и царского двора. Такое зрелище почтено было опасным для него. И возможно ль, чтоб в Риме, где все пороки от концов вселенныя соединились, могла образоваться та душа, которая чиста и строга быть долженствовала? Научился ли бы он гнушаться великолепием тамо, где роскошь и самую бедность заражает? Презирать богатство тамо, где богатством честь измеряется? Быть человеколюбивым тамо, где все, что сильно, подавляет все, что слабо? Быть тамо благонравным, где порок не знает и стыда?».

Фонвизин переводил: «Философия есть наука исправлять людей просвещением. Она общее есть нравоучение народам и царям, основанное на естестве и на порядке вечном». Приведены в сочинении Тома и слова Марка Аврелия: «Для всех душ есть един разум, как и для всех веществ един свет. Буде же разум един, то надлежит быть и единому закону. Следственно, люди всех земель и всех веков подчинены единому законодательству. Они все суть сограждане единого града; сей град есть вселенная. Тогда чаял я зрети окрест себя упадшими все преграды, разделяющие племена людские, и я зрел уже едину семью и народ единый».

Российский читатель мог узнать в переводе Фонвизина и требования, которые предъявлялись к правителю. Бóльшую часть последующего текста Тома вложил в уста Аполлония, стоика и последователя Марка Аврелия: «Если в целом свете прольется одна слеза, которую ты мог предупредить, ты уже виновен. Оскорбленная природа тебе скажет: я вверила тебе детей моих для содеяния их блаженства; что ж ты с ними сделал? Почто на земле я слышала стенания? Почто люди, подъемля ко мне длани, просили прекращения дней своих? Почто мать плакала над младенцем, в свет рожденным? Почто жатва, определенная

[17] *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 300–301.

на пищу бедному, исторгнута из его хижины? <...> Народные бедствия будут тебе обличением, а правосудие, стерегущее тебя, впечатлеет имя твое между именами недостойных государей!». Здесь же изложено учение стоиков о презрении к страху смерти, к «сластолюбию» и роскоши.

Актуально для России звучали слова французского автора: «Марк Аврелий видел, что природа вложила во всех людей ум, к обществу способный; отсюда усматривает он рождающееся понятие о вольности, ибо, где токмо владыко и рабы, тамо нет общества; нет и собственности, ибо без надежности во владениях не может устоять общественный порядок; нет и правосудия, ибо оно одно восстанавливает равновесие, которое страсти разрушить стремятся. <...> Вольность есть первое право человека, право повиноваться единым законам и кроме их ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ее имя! Горе той стране, где изречение его вменяется в преступление!». Примером правителям является Марк Аврелий: «В царствование его ни один сенатор, ни один бесчестный гражданин не дерзал никогда промолвить, что государь не подчинен законам». Провозглашались верховенство закона и постоянство «прав граждан».

Фонвизин издал книгу «Слово похвальное Марку Аврелию», идеи которой в изложении Аполлония всего через двенадцать лет наряду с другими сочинениями и общественно-политическими обстоятельствами приведут Францию к революции, а многих дворян и аристократов возведут на эшафот: «Всегда благотворящая природа создала существа в свободе и равенстве; настало тиранство и сотворило существа слабые и несчастные. Тогда малым числом все объято стало; оно овладело вселенною, и человеческий род стал лишен наследия. Отсюда родилось оскорбительное презрение, и надменное высокомерие, и лютое господство, и сожаление, изъявляемое гордынею, лютейшее самого презрения». В числе мер, предотвращающих социальный взрыв, Тома указал социальную политику Марка Аврелия: «При нем низкая порода не исключала от должностей и достоинств государственных». С такой политикой Фонвизин был согласен в отличие от тех дворян, которые стремились сделать свое сословие закрытым и предотвратить вовлечение талантливых разночинцев в систему государственного управления.

Марк Аврелий — пример государя, который приносил благо стране в самых тяжких ее испытаниях в отличие от времен, когда в Римской империи, по словам Аполлония, «изгнание стало правом, государственные причины служили оправданием убийства».

Впрочем, завершалось сочинение Тома безнадежно: сын Марка Аврелия, жестокий император Коммод не дал завершить речь Аполлонию и тогда народ понял, «что Марк Аврелий весь сокрыт во гробе», т. е. на земле нет у него преемника[18]. Во Франции эта безнадежность разрешилась в 1789 г. революцией, а в России оставалось надеяться, что идеи Марка Аврелия будет осуществлять наследник Павел Петрович после восшествия на престол.

[18] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 196–197, 199, 202–204, 209–213, 220–226, 230.

В значительной мере другие идеи содержались в произведении Фонвизина — «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию». Данный труд был переведен с китайского языка на французский аббатом П. М. Сибо (1727–1780). Фонвизин перевел этот труд П. М. Сибо и издал свою книгу анонимно в 1779 г., хотя в России латинский перевод «Та-Гио» был опубликован Т. З. Байером еще в 1730 г.[19] Основу этого сочинения составило конфуцианство, и в соответствии с основами китайской философии его содержание проповедовало более идеи нравственного совершенствования, чем общественных преобразований.

В отличие от идейной напряженности и проницательности «Слова похвального Марку Аврелию» «Та-Гио» лишено в значительной части своих утверждений конкретного социально-политического содержания. Вместо совершенствования российской государственности Фонвизин теперь утверждал приоритет семейных ценностей и вневременной абстрактной «добродетели». В таких идеях Фонвизин был близок к тому, что писала ранее него Екатерина II.

Впрочем, и в конфуцианстве Фонвизин нашел то действенное, что становилось актуальным для России Нового времени, а в западных державах быстро распространялось с развитием буржуазных отношений — приоритет предпринимательства, творческой активности. В сравнении с ними становилась очевидной несостоятельность тех слоев общества, которые пользовались средневековыми по происхождению экономическими и сословными привилегиями[20]. Примеры «граждан полезных» он видел в странах Центральной Европы и тем более во Франции, еще сохранявших, впрочем, многочисленные феодальные институты в системах государственно-правовых и аграрных отношений.

В исследовательской литературе обсуждался вопрос, с какой целью Фонвизин издал перевод «Та-Гио». По мнению П. Н. Беркова, эта работа Фонвизина, как и другие переводы на русский данного сочинения, имели публицистическое значение, поскольку они создавали возможность определить отношение к Екатерине, ее личности и деятельности в сопоставлении с образом идеального государя в китайской философии и истории. Так же думал и Г.П. Макогоненко. Против такого мнения возразил А. Стричек. Как он считает, если бы в переводе «Та-Гио» (Стричек добавил к нему и «Слово похвальное Марку Аврелию») «слишком ясно прослеживались политические параллели, цензура никогда не позволила бы напечатать его в “Академических известиях”». Напротив, императрица была заинтересована в такой публикации, поскольку «философские идеи казались ей хорошей пищей для русских умов». В доказательство этой мысли Стричек привел сведения о стремлении Екатерины распространить сочинения Вольтера, а сама она «была без ума от Конфуция»[21].

[19] *Берков П.Н.* Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 674–679.

[20] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 231–232, 237, 239, 241.

[21] *Берков П.Н.* Та-Гио... С. 678; *Макогоненко Г.П.* Денис Фонвизин... С. 195; *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 328–329.

Эти противоположные точки зрения не представляются убедительными. На суждения П. Н. Беркова и Г.П. Макогоненко, видимо, оказывала сильнейшее воздействие блестящая характеристика А. С. Пушкиным Фонвизина как «друга свободы» (Евгений Онегин, гл. 1, XVIII), а также идеологема советских времен, в соответствии с которой русские просветители всегда находились в оппозиции к царской власти. Но и возражения А. Стричека аргументированы не в равной мере. Екатерина в соответствии с модой своего времени была действительно увлечена китайской философией и культурой. Вместе с тем ошибочным представляется уравнивание Стричеком содержания переводов «Слова похвального», опубликованного в 1777 г., и «Та-Гио», изданного в 1779 г.

«Слово похвальное» еще сохраняло свойственное кружку Н. И. Панина стремление к преобразованию верховной власти. Но в эти годы в жизни Д. И. Фонвизина произошли важные события. В 1777–1778 гг. он совершил длительное путешествие через Польшу и Германию во Францию, что было необходимо для лечения жены. Для достаточного обеспечения семьи ему следовало думать о продвижении по службе, а потому в эти годы ему не надо было выражать публично свою оппозиционность власти.

Учитывая данные обстоятельства биографии Фонвизина, становится ясно, почему в отличие от «Слова похвального Марку Аврелию» идеи «Та-Гио» так близки правительственной политике Екатерины II: литератор и мыслитель Фонвизин, вероятно, опасаясь отставки, перестал выражать публично свои идеи, оппозиционные императрице. Показательно, что и в «Бригадире», как отмечено ранее, высказывались наставления, близкие указам Екатерины. Становится понятным, почему протестные настроения «Слова похвального» сменили по преимуществу преобладающие требования нравственности придворной жизни, а также быта рядового дворянства.

Конкретный анализ литературных и общественно-политических произведений Фонвизина в контексте идей законодательной деятельности Екатерины II в 60–70-е гг. свидетельствует о том, что он относился к либеральному направлению идейной жизни России этого периода. Он пропагандировал просветительские идеи, учитывал их отражение в указах императрицы и Сената, а потому его наблюдения в значительной мере совпали в своем содержании с либеральной направленностью императорских постановлений первого двадцатилетия екатерининского правления, хотя фонвизинские наблюдения имели также критический и даже обличительный характер. Впрочем, к концу этого периода умеренное содержание и частичность предпринимаемых Екатериной мер перестали Фонвизина удовлетворять. В своих опубликованных литературных произведениях он продолжал излагать идеи, допустимые в контексте политики императрицы. Но в своей тайной жизни Фонвизин не только принял активное участие в панинском проекте модернизации верховной политической власти. Он ушел в идейную оппозицию к екатерининскому правлению, тогда как пропагандируемые им идеи левого направления французских физиократов,

как и во Франции, приобрели революционизирующее значение. Впрочем, сам Фонвизин являлся сторонником реформирования российской государственности сверху при активном участии просвещенного монарха, конкретно — наследника Павла Петровича. Поэтому интерпретация Г. П. Макогоненко пушкинской характеристики Фонвизина как «друга свободы», т. е. того, кто желал дворянской революции в России[22], — несомненное преувеличение.

При изучении отношения Фонвизина к состоянию современной ему российской государственности и к пониманию им исторического процесса существует еще одна проблема — тема «Россия и Запад». Этот вопрос особо привлекает внимание исследователей при анализе его писем, отправленных из иностранных государств во время его путешествия во Францию с сентября 1777 по ноябрь 1778 г. Они представляют собой литературно законченное произведение, которое Фонвизин, вероятно, хотел включить в свое собрание сочинений под названием «Записки первого путешествия»[23]. Поэтому их обоснованно характеризовали не как бытовые письма, а как образец эпистолярной прозы[24] или как рассказ о путешествии в эпистолярной форме[25].

Первый биограф Фонвизина князь П. А. Вяземский, литератор, друг А. С. Пушкина, общественно-политический деятель, отрицательно отнесся к крайне критическому изображению Фонвизиным того, что он увидел за границей. По наиболее мягкой характеристике Вяземского, его герой готовил «Европейскому просвещению и общежитию» «одно строгое исследование и суд»[26]. Впрочем, уже в первой половине 70-х гг. XIX в., пользуясь либеральными возможностями времени реформ Александра II, А. И. Незеленов, возражая мнению Вяземского, привел фонвизинские положительные характеристики французских впечатлений, а также сведения о немыслимых по размерам российской коррупции, казнокрадстве, неправедном судействе, фаворитизме, падении нравов того времени. Таким образом, по мысли Незеленова, в России состояние высшего общества и государственного управления было тогда не лучше, чем во Франции, хотя Фонвизин и думал, что истоки «развращения нравов» в России происходят из Франции[27].

К близкому к А.И. Незеленову выводу пришел значительно позднее Г. П. Макогоненко. По его мнению, фонвизинским «Запискам первого путешествия» было свойственно изменение авторской позиции — от изучения особенностей общественной жизни Франции, их отличий от российских условий к устойчи-

[22] *Макогоненко Г.П.* Денис Фонвизин... С. 208.

[23] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 311–312.

[24] *Пигарев К.В.* Творчество Фонвизина. С. 131; *Серман И.* Письма Д.И. Фонвизина к П.И. Панину из Франции (проблема жанра) // Oxford Slavonic Papers. NS. 1988. Vol. 21. С. 106.

[25] *Berelowitch W.* Préface // Fonvizine D. Lettres de France (1777–1778). Paris, Oxford, 1995. P. III.

[26] *Вяземский П.* Фон-Визин. СПб., 1848. С. 116–118.

[27] *Незеленов А.* Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб., 1875. С. 22–77.

вой формуле: во Франции «как и у нас», т. е. к установлению единства состояния таких разных стран, как Франция и Россия, вследствие одинаковых основ общественного устройства, несмотря на различия их культур и традиций[28].

При анализе тех же писем А. Стричек пришел к другому выводу. По его мнению, основная их задача — определить отличия России от Франции, и это сопоставление не в пользу Франции и французов, что является следствием различия исторических путей двух стран. Особое выделение Фонвизиным «недостатков» французов в сопоставлении с «достоинствами» русских людей А. Стричек назвал «русской идеей», стремлением автора раскрыть сущность «русского национального характера». Поэтому А. Стричек отметил в письмах лишь их литературную ценность, выразительную силу языка и остроту наблюдений над жизнью дореволюционной Франции[29]. В. Берелович поддержал наблюдения А. Стричека над основным содержанием фонвизинских писем из Франции. По его словам, они «без сомнения являются первым русским сочинением, которое с такой остротой поставило вопрос о русской идентичности, о собственном пути России, о ее отношениях с западными образцами»[30].

Представляется, что такие наблюдения, несмотря на их существенные различия, не противоречат друг другу. По нашему мнению, они раскрывают разные стороны сложной по содержанию авторской позиции — стремление раскрыть общее и особенное во Франции и России в современном их состоянии. При этом, как отметил И. З. Серман, в письмах Фонвизина из Франции сравнение этой страны с Россией — не основное. По его мнению, в письмах к сестре на уровне сопоставления бытового уклада Фонвизин уверял, что «у нас — лучше». Но в его обращениях к П.И. Панину такой мысли, по словам И. З. Сермана, «нет вообще, все замечания о невежестве дворянства, о судебном произволе и чиновничьих грабежах имеют другой смысл: здесь, во Франции оказывается *не* лучше, чем “у нас” в России», «и здесь нет “вольности”, которая существует только на бумаге, формально, и здесь человек или жертва, или тиран». Немногим ранее И. З. Сермана В. Н. Антонов по-своему изложил близкое по содержанию наблюдение: это попытка доказать: «а ведь мы не хуже их»[31]. Тем самым подтверждалась объективность наблюдений еще А. И. Незеленова.

То есть, оставаясь верным просветительской концепции единства исторического пути развития, Фонвизин стремился установить особенности общественной жизни в этих странах. В таком сопоставлении для него Россия была равной Франции, но у России было преимущество будущего развития. В письме, датированном 25 января (5 февраля) 1778 г., он доверительно писал из Монпелье своему другу Я. И. Булгакову: «Не скучаю вам описанием нашего вояжа, а скажу только, что он

[28] *Макогоненко Г.П.* Денис Фонвизин... С. 215–224.

[29] *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 306–324.

[30] *Berelowitch W.* Préface. P. VIII.

[31] *Серман И.* Письма Д.И. Фонвизина... С. 117; курсив И. Сермана; *Антонов В.Н.* «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина (к спорным вопросам интерпретации) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1981. № 6. С. 13.

доказал мне истину пословицы: славны бубны за горами. Право, умные люди везде редки. Если здесь прежде нас жить начали, то по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избегнуть тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились. Nous commen çonsetils finissent (Мы начинаем жить, а они завершают). Я думаю, что тот, кто родился, посчастливее того, кто умирает»[32].

В этом письме, отправленном из Южной Франции, насыщенной римскими древностями, из города, в котором находится университет, основанный в 1289 г., содержится сопоставление начал развития культур и общественной жизни Франции и России, а также рационалистическая вера в возможности предотвращения в России тех бед, которые уже постигли другие страны и народы. Вероятно, прав В. Берелович, который отметил в этих словах негативное содержание истории повреждения нравов в России, правления фаворитов, невежества знати. Но в приведенных ранее словах Фонвизина нельзя не видеть, что основой такого сопоставления, хотя и в трансформированном виде, является идея единства исторического развития двух стран, а также предчувствие завершения во Франции общественного строя накануне его падения.

В начале 80-х гг. Фонвизин, находясь в числе доверенных лиц Н. И. Панина, участвовал в разработке проекта «непременных государственных законов», которые в соответствии с идеологией Нового времени должны были ограничить и регулировать абсолютную власть монарха. Фонвизину было поручено написать вводную часть к проекту «непременных государственных законов». Фонвизинское введение, написанное в 1782–1783 гг., превратилось в законченное самостоятельное произведение — «Рассуждение о непременных государственных законах».

В исследовательской литературе его содержанию уделялось значительное внимание. В большом числе работ этот труд обоснованно характеризовался как замечательное произведение русской общественной мысли. Одно из направлений в его изучении Г. П. Макогоненко обобщил как сочинение «патриота, в чьем сердце кипели негодование и ненависть к разорителям отечества, к деспотическим порядкам екатерининского правления, к ее политике фаворитизма, унижающей и оскорбляющей достоинство человека и престиж могучего государства». Теоретические основы «Рассуждения» он обобщенно обозначил как «передовые социологические учения той эпохи»[33]. По мнению А. Стричека, Фонвизин «оказывается в авангарде борьбы за то, чтобы Россия заняла достойное место среди цивилизованных народов», он — «проницательный наблюдатель, выносящий приговор своей стране». Но теоретические основы работы Фонвизина А. Стричек не обозначил[34].

Таким образом, определение теоретических основ фонвизинского «Рассуждения» и его предназначения следует продолжить. При этом следует обратить внимание на тот факт, что оно было написано для Н. И. Панина, но в конечном

[32] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 493.

[33] *Макогоненко Г.П.* Денис Фонвизин... С. 199.

[34] *Стричек А.* Денис Фонвизин... С. 365.

итоге — для прочтения наследником, великим князем Павлом Петровичем. В «Рассуждении» кроме указания содержания преобразований приводятся характеристики современной Фонвизину российской государственности.

«Непременные государственные законы» должны превратить подданных в граждан, т.е. обладателей гражданских прав. Они не допускают «злоупотребление самовластья», фаворитизм и «пороки» фаворита, если он «горд, нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец». В стране государя и его подданных «никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать». Отсюда происходят бесчисленные «пороки» на военной службе и в суде. «Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит, кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу <...>». Последствия всех этих и многих других «пороков» губительны для государства, поскольку оно — «колосс, державшийся цепями». «Цепи разрываются, колосс упадает и сам собою разрушается».

Такому государству и его правителю Фонвизин противопоставил «просвещенного государя» и принцип Нового времени: «Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные». Их содержание Фонвизин раскрыл в соответствии с концепцией, восходившей к теории Томаса Гоббса. В «Рассуждениях», написанных всего за семь лет до Великой французской революции, Фонвизин написал об особом положении правителя в соответствии с современными для XVIII в. началами государства: «Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями». Фонвизин сформулировал основной принцип «прямой политической вольности (т.е. свободы. — *М. С.*)» в безопасности подданных и их собственности[35].

Истоки этих идей *свободы* и *собственности* как основ общественной жизни в современном для Фонвизина государстве заключаются в концепции французских физиократов, прежде всего того его направления, которое было сформулировано Ф. Кенэ (F. Quesnay, 1694–1774). По его мнению, именно свобода простых людей и их собственность, защищенные законом, обеспечивают процветание экономики и государства. Государство не должно вмешиваться в экономические процессы и их регулировать.

Вероятно, Фонвизин, находясь во Франции в 1777–1778 г., слышал об активно дискутируемой тогда экономической концепции физиократов. Возможно, он прочел изданную незадолго до того в Париже, в 1768 г., книгу П. С. Дюпона дю Немура «О происхождении и развитии новой науки». В ней были обобщены наблюдения Ф. Кенэ и других физиократов. Это были новые для

[35] Здесь и далее текст «Рассуждения» см.: *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. С. 254–267; курсив Фонвизина.

России идеи: «*Личная собственность*, установленная природой, а также физической необходимостью каждого индивида, под воздействием которой находятся все способности каждого индивида как личности, — она для того, чтобы обеспечить его вещами, предназначенными для удовлетворения его потребностей, под угрозою страдания и смерти». Такое понимание «личной собственности» является основой «свободы трудиться», «собственности на движимое имущество», «свободы обмена», «земледелия», необходимого «для того, чтобы население могло расти и впоследствии, — за счет умножения произведенных продуктов, которые необходимы для человеческого существования», «земельной собственности», «свободы в использовании земли»[36].

Эти либеральные принципы общественного строя и экономики, основанные на буржуазных отношениях, противостояли средневековым по происхождению сословным привилегиям, в том числе и на земельную собственность, цеховому и государственному вмешательству в отношения производства. Их осуществление должно было привести к коренному переустройству абсолютистского государства, сохранявшего еще средневековые начала в экономических, социальных и государственно-правовых отношениях.

Таким образом, на высоком уровне общественно-политических и экономических идей середины — второй половины XVIII в. Фонвизин обозначил те цели, которые следовало достигнуть российской государственности в результате переустройства, а также средства их достижения. Далее он охарактеризовал состояние государственности, которая подлежала переустройству.

В этой характеристике настолько важно каждое слово, что ее следует привести по возможности наиболее полно: «Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет на свете малолюднее; государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей и состоящее, можно сказать, из двух только городов, из коих в одном живут люди большей частью по нужде, в другом большей частию по прихоти; государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потерянием одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; государство, дающее чужим землям царей и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царския особы; государство, где есть все политические людей состояния, но где никоторое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различается; государство, движимое вседневными и часто друг другу противуречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения;

[36] *Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон дю Немур П.С.* Физиократы: Избранные экономические произведения. М., 2008. С. 519.

государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва; государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, руководимое одною честию, дворянство, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородныя души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавором, поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность (т. е. невиновность. — *М. С.*) и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства».

По мнению Фонвизина, совершить необходимые для России преобразования должен «просвещенный и добродетельный монарх».

Указания на многочисленные факты новой и новейшей российской истории приобретали в этой фонвизинской характеристике расширительное значение. Поэтому к таким сюжетам, кратко обозначенным Фонвизиным в 1782 г., впоследствии постоянно обращались те литераторы и общественно-политические деятели дореформенной России, которые стремились к обновлению ее общественно-политической жизни на современном уровне — А. Н. Радищев, декабристы, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и др.

Выражая такие настроения, Фонвизин написал комедию «Недоросль», впервые поставленную на сцене 24 сентября 1782 г.[37] В ней высмеивалась основанная на несправедливости и жестокости косность и мелочная жизнь провинциального дворянства. Героями пьесы являлись персонажи со значащими фамилиями: Простаков и его жена, урожденная Скотинина, их сын недоросль Митрофан, который хотел жениться, а не учиться, Скотинин, брат Простаковой. Одним из сюжетов комедии вновь стало жестокое обращение помещиков со своими крепостными.

Таким дворянам противостоят в пьесе персонажи, для которых *патриотизм*, *честь* и *совесть* — понятия, наполненные реальным смыслом. Поэтому вопреки торжествующему фаворитизму, придворным интригам, самоутверждению в знатности, в погоне за богатством Стародум, воспитанный отцом в соответствии с петровскими принципами, провозглашал со сцены: «Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением

[37] *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин Денис Иванович. С. 313.

и делами. <...> По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного. <...> Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто». Предъявил Стародум претензии и всему дворянскому сословию, обязанность которого, по его мнению, — помогать людям и служить отечеству: «Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю».

Но горечью и безнадежностью исполнены слова Стародума, который не пришелся к императорскому двору. В ответ на восклицание Правдина — «С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно» — он возразил: «Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится». Стародум предпочел честное хозяйствование на земле и зарабатывание денег трудом в своем поместье, «не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество»[38].

Милон утверждает принцип гражданственности в системе российской государственности: «И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который не убоялся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой»[39].

В своем творчестве Фонвизин неоднократно возвращался к темам своих пьес, что продолжало его деятельность как историка современности. В частности, он продолжил анализировать положение человека, приближенного к высшей власти в абсолютистском государстве. В сатирическом произведении «Всеобщая придворная грамматика» он так раскрыл содержание этого заголовка: «Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером». Здесь же он разъяснил, что значит «хитро льстить»: «говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна»[40].

В 1783 г. Фонвизин воспользовался появлением нового журнала «Собеседник любителей российского слова», который издавала Е. Р. Дашкова при поддержке и участии императрицы, для того чтобы изложить непосредственно Екатерине некоторые из этих своих наблюдений над состоянием российской государственности в форме вопросов. Так что читатели третьей части «Собеседника», люди «умные и честные», как написал о них Фонвизин в предисловии к своим вопросам, с изумлением могли ознакомиться с ними, ответы на которые были очевидны (далее приведены наиболее существенные из них).

Второй вопрос Фонвизина — «Отчего многих добрых (*здесь*: “умных и честных”. — *М. С.*) людей видим в отставке?» — подразумевал отставки императрицей неугодных ей людей, а также тех, кто уходил в отставку добровольно,

[38] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. С. 133–134, 151–153, 172.

[39] Там же. С. 158.

[40] Там же. 1959. Т. 2. С. 48–49.

которым не соответствовала нравственная обстановка при дворе. О таких людях А. С. Грибоедов написал всего сорок лет спустя: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» («Горе от ума». Второе действие, явление второе).

Четвертый вопрос — «Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?» — подразумевал приближенных к власти богатейших в России людей, которые были связаны с государственной системой поставками своей продукции или участием в обеспечении государственных доходов. Вследствие этого происходило сращивание «заводчиков» и откупщиков с государственной властью, их дальнейшее неправедное обогащение.

Тринадцатый вопрос — «Чем можно возвысить упадшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувствительность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титло дворянина было несумненным доказательством душевного благородства?» — затрагивал основную для России проблему сохранения системы крепостного права, порождавшую Скотининых и Простаковых, разрушение нравственных ценностей, противостоять чему должно было служение государству, объединявшему всех россиян.

Четырнадцатый вопрос — «Имея Монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?» — подразумевал обязательность принципа честной государственной службы.

Вероятно, Фонвизин предполагал уклончивый ответ Екатерины, а потому повторил свой вопрос, немного его изменив, под тем же четырнадцатым номером, но конкретно назвав тех, кто удостаивался императорских милостей: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?»

Восемнадцатый вопрос формулировал существенную для России того времени проблему отсутствия контроля над исполнением правительственных решений, вследствие чего многие из них становились только выражением намерений Екатерины без реальных следствий: «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?» Фонвизин обратил внимание на то, что в России того времени бюрократическая машина была сильнее решений государственной власти, а потому ее постановления исполнялись лишь частично.

Два последних вопроса Фонвизин посвятил анализу коллективных представлений в среде просвещенных россиян.

Вопрос девятнадцатый: «Как истребить два сопротивние и оба вреднейшие предразсудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?» Петровская традиция отвергала два таких противоположных вида идеализации *чужого* и *своего* практикой модернизации российской государственности в едином европейском пространстве с учетом чужих достижений и сохранением национальных

культурных традиций. Видимо, ответ Фонвизина подразумевал продолжение такой практики.

Последний, двадцатый, вопрос должен был выяснить мнение Екатерины о свойствах национальной самоидентификации: «В чем состоит наш национальный характер?» Неясно, какой ответ дал бы сам Фонвизин, поскольку в своем драматургическом творчестве он описал самые разные типы русских людей с самой разной общественной позицией без объединяющих их начал «национального характера». Но ранее он писал в своем переводе «Слова похвального Марку Аврелию» о единстве всех людей и мира. В отличие от такого мнения Екатерина ответила, как полагалось императрице огромной державы: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных»[41]. Этот ответ она дала после народного восстания под руководством Е. И. Пугачева, тогда, когда российская знать не хотела следовать ее призывам «к отвращению разорительной роскоши», когда князь М. М. Щербатов и его единомышленники находились в нравственной оппозиции к императорскому двору, но незадолго до следственных дел А. Н. Радищева и Н.И. Новикова.

В таких вопросах Фонвизин, разумеется, лишь частично мог публично формулировать проблемы, решение которых должно было реформировать российскую государственность. Но эти вопросы и ответы на них Екатерины ясно показали просвещенным читателям «Собеседника», что верховная власть неспособна это сделать или, во всяком случае, настолько быстро, насколько требовали темпы новейшего времени конца XVIII столетия. Фонвизинские характеристики состояния российской государственности ставили перед дворянами также проблему нравственности пребывания при императорском дворе и на высших государственных должностях.

Таким образом, общественной позиции Фонвизина свойственна принадлежность тому определенному деятельностью и идеологией Петра Великого идейному направлению, которое утверждало российскую государственность и русских как часть единого европейского пространства, но признавало особенности их исторического и культурного развития. В своих литературных и общественно-политических произведениях Фонвизин стал историком российской государственности второй половины XVIII в. Он пропагандировал идеи ее переустройства на основах светских идей нравственности. Профессиональное изучение истории еще не стало для Фонвизина одним из средств познания России. Но ему было очевидно, что историческая наука должна быть аналитической, независимой от власти людей могущественных и богатых, иначе она превратится в летописание, в последовательное изложение фактов на поверхности событий.

[41] [*Фонвизин Д.И., Екатерина II*]. Вопросы и ответы с приобщением предисловия // Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783. Ч. 3. С. 164–165.

Abstract

M. Sverdlov. D. I. Fonvizin about Russian State in Second Part of 18th century and about History as a Science

According to Danish writer Ludwig Holberg (1684–1754) Fonvizin wrote that history becomes a science when it studies historical events. Bad influence of state power and money transforms it in recitation of facts. Fonvizin has become a historian of modern Russia by means of dramaturgy and analytic works. He condemned cruelty to serfs, favoritism, corruption, despotism of state power etc. He opposed against them patriotism, morality, liberty, private property. Fonvizin attached importance to formation of a «tiers état». He wrote about Russia as a part of Europe, but he understood its peculiarities of historical and cultural development.

Key words: D. I. Fonvizin, history, science, Russia, Catherine II, 18th century, physiocrats.

References

Antonov V. N. «Pis'ma iz Frantsii D. I. Fonvizina» (k spornym voprosam interpretatsii) // Vestnik Moscovskogo universiteta. Ser. 9: Filologija. 1981. № 6.

Basni nravoučitel'nye s iz'asnenijami gospodina Golberga, perevel Denis fon Visin. M., 1761.

Berelowitch W. Préface // Fonvizine D. Lettres de France (1777–1778). Paris, Oxford. 1995. P. III.

Berkov P. N. Ta-Gio, ili Velikaja nauka, zaključajuščaja v sebe vysokuju kitajskuju filosofiju // Fonvizin D. I. Sobranie sočinenij: v 2 t. M.; L., 1959. T. 2.

Fonvizin D. I. Sobranie sočinenij: v 2 t. / Sostavlenie, podgotovka teksta i kommentarii G. P. Makogonenko. M.; L., 1959. T. 1, 2.

[*Fonvizin D.I., Ekaterina II*]. Voprosy i otvety s priobščeniem predislovija // Sobesednik l'ubitelej rossijskogo slova. SPb., 1783. T. 3.

Grot Ja. K. Trudy / Pod red. K. Ia. Grota. SPb., 1901. T. 4: Iz russkoj istorii: Issledovanija, kritičeskie zametki i materially (1845–1890).

Kočetkova N. D. Fonvizin Denis Ivanovič // Slovar' russkich pisatelej XVIII veka (SRP). SPb., 2010. T. 3.

Makogonenko G. P. Denis Fonvizin: Tvorčeskij put'. M.; L. 1961.

Pigarev K. V. Tvorčestvo Fonvizina. M., 1954.

Quesnay F., Turgot A. R. J., Dupont de Nemours P. S. Fiziokraty: Izbrannye ekonomičeskie proizvedenija. M., 2008.

Safonov M. M. Konstitutsionnyi proekt N. I. Panina — D. I. Fonvizina // Vspomogatel'nye istoričeskije distsipliny. L., 1974. T. 6.

Serman I. Pis'ma D. I. Fonvizina k P. I. Paninu iz Frantsii (problema geanra) // Oxford Slavonic Papers. NS. 1988. Vol. 21.

Stepanov V. P. Elagin Ivan Perfil'evič // SRP. L., 1988. T. 1.

Striček A. Denis Fonvizin: Rossija epohi Prosveščenija. M., 1994.

Vjazemskij P. Fon-Vizin. SPb., 1848.